

Пусть мясо на столах появлялось нечасто, готовить его умели все. Лю Сюмэй ловко, уверенными движениями пластовала свиные почки узором-сеточкой, заливала их кулинарным вином и засыпала имбирем, чтобы отбить резкий запах. Параллельно она рубила ребрышки на порционные куски, отправляя их в кипяток смыть сукровицу.

Пока она суежилась у плиты, из кастрюли по кухне пополз такой умопомрачительный мясной аромат, что кумушки, пришедшие поглазеть, не выдержали.

— Сюмэй, ты за кастрюлей-то следи, как бы не пригорело!

— Да ну тебя, неужто мне не доверяешь?

— Сюмэй, ты хоть попробуй сначала, не пересоли ненароком.

— Ничего, солонее мясо — сытнее обед!

Лю Сюмэй прекрасно видела соседок насквозь и понимала, к чему клонят эти советчицы. Она лишь добродушно отшучивалась, не давая спуска. Поняв, что пожить здесь не удастся, кумушки одна за другой засобирались домой, придумывая на ходу предлоги.

Едва за ними затворилась дверь, натянутая вежливость сошла с лица Лю Сюмэй, уступив место искренней, облегченной улыбке.

Сун Чжиши сидел на корточках перед плитой, замороженно глядя на кипящие ребрышки, и мысленно ругал себя последними словами.

«Эх, Сун Чжиши, ну и докатился же ты... Откуда в голове столько мыслей об одной только еде?»

Но как тут устоять? Стоило только вообразить глазированные свиные ребрышки в соевом соусе, кисло-сладкое мясо, наваристый бульон с морской капустой или ароматный рис с грудинкой, как рот неудержимо наполнялся слюной.

Однако со стороны его задумчивость выглядела совсем иначе.

Лю Сюмэй посмотрела на смазливую паренюка, который сиротливо примостился у печи. В его глазах ей почудилась глубокая тоска и растерянность перед будущим. Сердце женщины дрогнуло, и она не удержалась от расспросов:

— Сяо Сун, вы с товарищем Гу больше не ссоритесь?

Не дожидаясь ответа, она продолжила:

— Товарищ Гу — человек золотой души. Помнишь, когда несколько лет назад Хуанхэ разлилась? Если бы он тогда не ринулся в самое пекло, в соседних уездах полегло бы пол-округи. Он мужчина надежный, работающий, пусть и простоват на язык. Но уж если говорит или делает что — то только ради твоего блага. Ты еще молод, глупенький, не понимаешь... В семье ведь неважно, мужчина с женщиной сходятся или двое мужчин. Главное — держаться друг за друга и строить совместную жизнь на совесть.

Она говорила долго и проникновенно, но, обернувшись, увидела, что парень попросту пускает слюни на шкворчащие ребрышки. Сюмэй лишь покачала головой, сокрушаясь про себя, что перед ней, несмотря на все невзгоды, все еще сущий ребенок.

На самом деле Сун Чжиши ловил каждое ее слово. И от этого на душе становилось только горше. Надо же: даже посторонняя соседка понимала, как сильно дорожит им Гу Хуай. Почему же в прошлой жизни он сам, точно ослепленный гордыней, упорно воротил нос и не желал разглядеть эту молчаливую заботу?

Вот только им двоим все равно не суждено быть вместе. И оправдать теплые надежды Лю Сюмэй он не сможет при всем желании.

Когда мясо уварилось до нежности, Сун Чжиши щедрой рукой отложил добрую порцию прямо в кастрюле. Лю Сюмэй отнекиваться не стала, приняла угощение с искренней благодарностью. В ее семье приличного мяса не видели уже вечность; ладно она сама, но ребятишкам питательные бульоны были просто необходимы.

Немного помешкав, хозяйка достала из закромов два яйца, на скорую руку приготовила их на ароматном кунжутном масле и протянула Сун Чжиши.

— Вот, возьми. Из деревни недавно прислали, свежие совсем, попробуйте.

— Невестка Сюмэй, ну что вы, я не могу это взять.

— Обидеть меня вздумал? Бери давай, кому говорят!

Против такого напора устоять было невозможно, да и голод давал о себе знать, так что Чжиши принял гостинец. Про себя он решил: когда через пару дней прибудет следующая партия свежатины, он снова попросит Лю Сюмэй помочь с готовкой и обязательно отблагодарит ее еще более щедрым куском.

Ужин сегодня выдался по-настоящему праздничным: наваристый суп с тонкими ломтиками почек, глазированные тушеные ребрышки, пышные яйца на кунжутном масле и острая квашеная капуста. В качестве сытного дополнения на столе возвышалась горка пышных

паровых пампушек-маньтоу.

Стоило Сун Чжиши расставить приборы, как со двора донесся знакомый звон велосипедного звонка.

— Гу Хуай, ты вернулся! Давай к столу, все уже готово! — весело позвал он, выбегая навстречу с широкой, открытой улыбкой.

Гу Хуай замер на пороге. Он привык к тому, что по возвращении его встречает гнетущая тишина пустого дома, а Чжиши, наспех перекусив в одиночестве, давно запирается у себя.

Но сейчас комната сияла чистотой, а из кухни тянуло одуряющим ароматом изысканного ужина. Батальонный командир невольно замешкался, словно перепутав адреса.

Вчера этот балованный барчук взялся за веник, а сегодня сотворил целый пир?

И в следующее мгновение из уст военного вырвался предсказуемый вопрос:

— Откуда мясо?

Конечно, Чжиши мог бы скормить ему ту же байку, которой отделался от пронырливых соседок. Но, получив второй шанс, он твердо решил больше не лгать близким. Поэтому выложил все как есть, без прикрас.

Зная кристальную честность и принципиальность своего сожителя, Чжиши внутренне сжался, ожидая строгой нотации. Однако реакция мужчины заставила его обомлеть.

— Прости меня, — негромко произнес Гу Хуай.

— Что?.. — У Сун Чжиши от удивления глаза на лоб полезли.

Низкий, бархатистый голос Гу Хуая прозвучал совсем рядом:

— Я не подумал. Ты вырос в достатке, привык к хорошей кухне, и наша здешняя пресная стряпня тебе не по вкусу. К тому же ты еще растешь, тебе нужно нормально питаться, есть мясо.

Сун Чжиши поднял голову и утонул в глубине его темных глаз, где отчетливо отражался его собственный, растерянный силуэт.

— Ты... правда не сердишься? — робко прошептал он.

Гу Хуай лишь качнул головой. Он предпочел умолчать о том, что о делишках мастера Фаня руководству давно известно. Но пока это ограничивалось мелким обменом для удобства семей военнослужащих, командование смотрело на это сквозь пальцы. Перейдет черту — тогда и примут меры.

— Сколько с тебя взял Фань Говэй?

Чжиши робко показал на пальцах.

Гу Хуай нахмурился:

— Пять юаней за три цзиня ребрышек?

Если повар ломил такие цены, стоило серьезно поговорить с начальником тыла.

— Нет-нет, что ты! — замахал руками парень. — Там еще были мясные баоцзы и свиной жир, я как раз подогрел их к столу... А лишние ребрышки я отдал невестке Сюмэй.

Гу Хуай взглянул на Чжиши. Паренек смотрел на него с таким детским, наивным ожиданием похвалы, что его и без того миловидное лицо словно осветилось изнутри. В суровом сердце офицера что-то дрогнуло. Он мягко кивнул:

— Да, ты все сделал правильно. У Лао Ли орава ребятишек, вечно голодных до сытной еды. Спасибо тебе за заботу.

От этих слов щеки Сун Чжиши мгновенно залил нежный румянец. Тревога окончательно отпустила его, и он восторженно закивал:

— Тогда давай ужинать!

Но стоило ему приоткрыть тарелку с супом из почек, чтобы сохранить его теплым, как в нос ударил густой, специфический запах субпродуктов. Сун Чжиши едва сдержал рвотный позыв.

Превозмогая дурноту, он заботливо налил полную пиалу Гу Хуаю и похвалился:

— Это свиные почки, специально для тебя раздобыл! Говорят, мужчинам очень полезно для сил.

Однако, подняв глаза, он наткнулся на совершенно перекошенное лицо командира.

Чжиши растерялся:

— Эм... Тебе что, потроха не по вкусу?

«Вот же черт, а я ведь заказал целых две штуки!»

Гу Хуай шумно выдохнул и выдавил из себя мученическую улыбку:

— Нет, что ты. Очень люблю.

Обрадованный Сун Чжиши тут же придвинул пиалу ближе к нему:

— Ну раз любишь, налегай сильнее!

«Ты уж постарайся, не пропадать же моим кровным деньгам».

За столом воцарилась уютная тишина, нарушаемая лишь мерным стуком палочек и тем, как Гу Хуай послушно прихлебывал бульон.

Чжиши не ошибся: такой крупный, крепкий мужчина, изматывающий себя ежедневными учениями, никак не мог насытиться вчерашней пустой лапшой. Видимо, тогда он просто не захотел обременять уставшего с дороги юношу и перебил малым.

Все эти дни Сун Чжиши из кожи вон лез, стараясь не допускать промашек и растопить лед в их отношениях. Но суровая реальность напоминала о себе: он по-прежнему оставался бездельником без гроша в кармане. Потратив сегодня последние пять юаней, он почувствовал, как неприятно сосет под ложечкой от безденежья.

— Гу Хуай... Слушай, у меня тут сбережения совсем к концу подошли. Не одолжишь немного? Честное слово, как только устроюсь на работу, сразу все верну! — пробормотал он и густо покраснел до самых кончиков ушей, даже не дождавшись ответа.

Просить деньги было неловко, но Чжиши преследовал две цели: поправить свое шаткое финансовое положение и заодно разузнать, сколько у них вообще скоплено.

Перед тем как старейшину Суна арестовали, дедушка успел спрятать золотые слитки и распродать ценности за наличные, завещав все внуку. Однако, опасаясь, что легкомысленный юнец пустит состояние по ветру, старик доверил сбережения на хранение Гу Хуаю. Сам Чжиши даже приблизительно не знал, каков размер этого фонда.

В благородстве Гу Хуая сомневаться не приходилось. В прошлой жизни тот безропотно взял под опеку его старшую сестру, вырастил племянника как родного сына и оставил ему все нажитое имущество.

Но вот родственники батальонного командира были теми еще стервятниками. В прежней жизни Чжиши с ними почти не пересекался, но прекрасно знал, что мачеха Гу Хуая и его сводные братья — люди жадные и склочные.

Юноша не на шутку тревожился, не растратили ли они дедовское наследство.

Гу Хуай, словно не заметив его метаний, ответил со всей прямоотой:

— Деньги лежат в ящике комода. Бери сколько нужно.

«Надо же, совсем мне доверяет... И не боится ведь, что я спущу все до единого гроша».

Однако командир батальона знал, что делал. В этой глуши на десятки ли вокруг не сыскать приличного рынка, не говоря уже о черных спекулянтах. Так что шиковать капризному столичному гостю было попросту негде.

<http://bllate.org/book/19670/1953298>